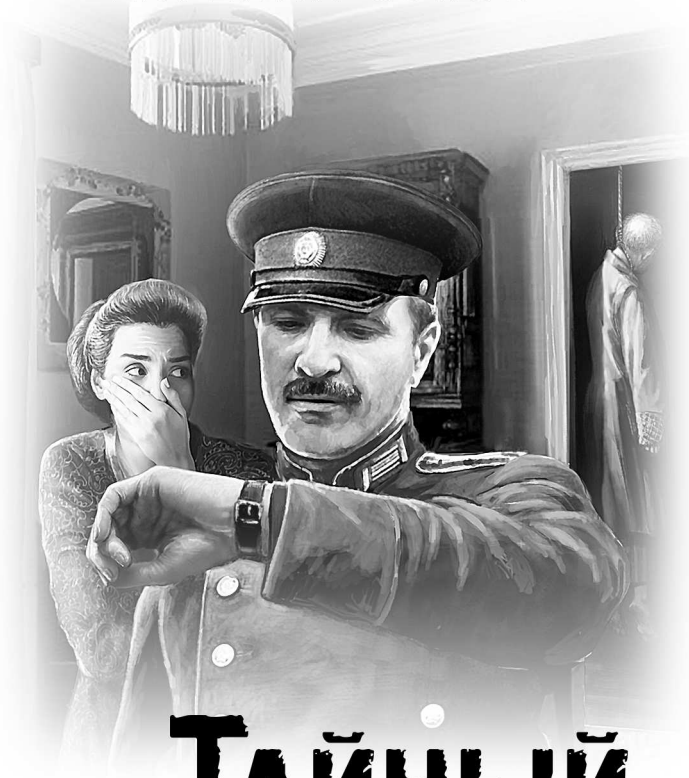

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА** **45**^{-ГО}

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ТАЙНЫЙ УЗЕЛ

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Сухов, Евгений.
С91 Тайный узел / Евгений Сухов. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172816-8

В квартире найден мертвым коммерсант Модест Печорский. Судя по предсмертной записке, он покончил собой. К такому выводу пришли представители прокуратуры. Однако начальник отдела по борьбе с бандитизмом майор Виталий Щелкунов не согласен с подобной версией. Внимательно изучив подробности личной жизни покойного, майор выясняет, что в последнее время у Печорского не было причин для добровольного ухода. Но в тот роковой день случилось что-то из ряда вон выходящее, за что коммерсанту пришлось заплатить своей жизнью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172816-8

© Сухов Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

ТРУП В ДОМЕ НА ГРУЗИНСКОЙ УЛИЦЕ

В этом году зима выдалась на удивление снежной. Сугробы будто могучие атланты подпирали крыши домов. Было безветренно, и деревья, одетые в пышные снежные шубы, стояли неподвижно. Волга, покрытая толстыми пластами снега, выглядела длинным белоснежным, убегаящим вдаль полем. Лед на реке, крепчавший день ото дня, превратился в надежную переправу, по которой с одного берега на другой нескончаемыми колоннами переправлялись многотонные грузовики.

Зимнее ночное небо, обычно темное, закрытое в это время года белесой дымкой, в последний день декабря было ясным. В вышине сверкали звезды, свет от которых отражался на снегу, вспыхивая яркими веселыми искорками.

— Ну что, товарищи, давайте проводим сначала старый год, — обратился к сидящим за столом начальник городского управления связи Геннадий Васильевич Стрешнев и неспешно поднялся со своего места. — Уходящий год, надо признать, был очень даже неплохим. Нам всем в этом году значительно повысили должностные оклады, совсем недавно отменили карточки. Была проведена серьезная денежная реформа, ударившая в первую очередь по людям, имевшим излишки накоплений, полученных в большинстве своем нечестным путем. И в этом ее благо... Нам же с вами, простым труженикам, — обвел лучезарным взором коллег Геннадий Васильевич, — смена денег не принесла никаких финансовых потерь. Поскольку наши накопления — это знания, опыт и настоящее мастерство в выбранной нами профессии. Ведь мы и в годы войны, и сегодня честно исполняли свой долг и можем спокойно смотреть людям в глаза. Мы победили опасного врага в лице фашистской Германии и теперь просто обязаны жить счастливо. И мы будем жить счастливо! — повысил голос Стрешнев, снова оглядывая присутствующ-

щих и своим взглядом призывая разделить всех его мысли и настроение. — Так что давайте выпьем за прошедший одна тысяча девятьсот сорок седьмой год и будем надеяться, что каждый последующий год будет приближать нас к исполнению самых заветных желаний...

Тост получился длинным, однако никто из сидящих за столом не роптал. И не потому, что поздравлял их начальник, которого надлежало слушать при любых обстоятельствах. А оттого, что сказанное трогало душу каждого из присутствующих. Поэтому, спокойно дождавшись окончания долгого тоста, коллеги дружно и с улыбками выставили вперед рюмки; над центром стола прозвучал задорный стеклянный звон, после чего все выпили.

После первой рюмки, как водится, наступило некоторое затишье, изредка прерываемое короткими емкими фразами вроде: «Будьте так добры, передайте мне вот того салатика» или «Вам что налить, портвейну или, может, все-таки водочки?», Давайте я за вами поухаживаю? Вам колбаски?» Обстановка становилась почти домашней, люди расслабились, и в это самое время раздался

пронзительный крик. Это был крик ужаса, отчего у гостей и у самого начальника городского управления связи по спине побежали мурашки.

— Кто бы это мог быть? — взволнованно посмотрела на мужа Мария Стрешнева.

— Странно все это... Пойду гляну, — на правах хозяина квартиры сказал Геннадий Васильевич и вышел из-за стола.

— погоди, я с тобой, — деловито произнес заместитель Стрешнева Марат Ренатович Саби-ров и шаркнул ножками стула по деревянному полу.

Вдвоем они прошли в коридор и решительно распахнули входную дверь.

— Помогите! — бросилась к ним соседка из квартиры напротив. На женщине не было лица. Точнее сказать, лицо, как таковое, конечно же, присутствовало, но оно выглядело мертвенно-серым, отчего очертания его смазывались и лицо казалось невыразительным пятном. — Там, там... — указала она на раскрытую дверь своей квартиры. И замолчала, не в силах вымолвить ни слова.

Мужчины переглянулись и, оставив за своими спинами плачущую соседку, осторожно перешагнули в полутемную прихожую. Свет горел только в гостиной, в коридор проникал лишь рассеянный сумрак. Они дошли до полуоткрытой двери в гостиную и оцепенели от неожиданной картины: с тыльной стороны двери, спиной к ней, висел в петле довольно тучный человек. Это был их сосед Модест Печорский, не столь давно поселившийся в их старом доме. Носки ног Печорского были вытянуты книзу, как будто бы покойник в последний момент попытался опереться об опору, вот только отыскать ее не сумел.

Только теперь Стрешнев и его заместитель Сабиров заметили тонкую белую бельевую веревку, одним концом привязанную к ручке, а другим, с петлей, перекинутую через верх двери. Поскольку двери в их доме повышенной комфортности были высокие, ноги человека, висевшего на двери, не доставали до пола сантиметров на сорок. Рядом на дощатом полу лежала опрокинутая табуретка. Все было ясно: человек решил свести счеты с жизнью. И добился желаемого...

* * *

Геннадий Васильевич Стрешнев с супругой получили квартиру в специально и только что построенном для инженерно-технических работников (тогда еще Наркомата связи) четырехэтажном доме на улице Грузинской в тридцать седьмом году. Стрешнев в то время уже работал старшим инженером, поэтому ордер ему был выдан на отдельную, правда, однокомнатную квартиру в первом подъезде. Второй и третий подъезды дома имели только коммунальные квартиры, предназначенные для работников Наркомата связи должностями пониже. Дом был в городе Казани одним из немногих, имевших центральное отопление и ваннные комнаты, в том числе и в коммунальных квартирах.

Дом повышенной комфортности был построен в стиле классицизма и по индивидуальному проекту. Построили его на месте снесенной в одна тысяча девятьсот тридцать третьем году трехпрестольной церкви Грузинской иконы Божией Матери. Дом имел внушительные, в три этажа, греческие колонны со стороны фасада,

венчающиеся лепниной; на карнизе красовался византийский орнамент и завитки. Большие балконы и окна являлись предметами особой гордости хозяев дома, имелась также массивная балюстрада на крыше — в городе домов подобного типа больше не было. Проживать в таком современном благоустроенном здании считалось большой жизненной удачей и признанием заслуг, что поднимало обладателя квартиры или комнаты в собственных глазах.

Когда у Стрешневых родилась дочь, а сам глава семьи сделался начальником городского управления связи, он получил в том же подъезде уже трехкомнатную квартиру на втором этаже. Случилось это в тысяча девятьсот сорок четвертом году. Дом повышенной комфортности на Грузинской улице считался одним из престижных в городе, поэтому в нем, помимо рабочих и служащих Наркомата связи, мечтали поселиться многие, по роду службы или работы никак не связанные с Наркоматом, а с марта тысяча девятьсот сорок шестого года — Министерством связи СССР. Получалось поселиться в этом доме лишь у редких счастливиц. В частно-

сти — у директора одного из городских техникумов и известного драматурга, пьесы которого шли во многих театрах республики и всей страны. У Модеста Вениаминовича Печорского — тоже получилось. Ибо всегда находятся люди, которым по тем или иным причинам удается то, чего не удастся абсолютному большинству других людей. В 1946 году Модест Печорский поселился как раз против Стрешневых. И сюда же через пару месяцев он привел свою молодую жену Нину, кареокую двадцатитрехлетнюю красавицу.

Не было ничего удивительного в том, что мужчина пятидесяти семи лет возжелал иметь рядом молоденькую и привлекательную женщину. Такое случается со многими. Тому есть вполне логичные объяснения: мужчины в возрасте значительно молодеют, когда находятся в обществе молоденьких женщин. В сравнении со своими ровесниками такие мужчины выглядят моложаво и подтянуто, у них возникает потребность следить за собой. Многие отказываются от дурных привычек, не экономят на парфюме. Еще до войны нередко девушки соглашались на

столь неравный брак. А в послевоенные годы такие браки становились обычным делом. Безрукий и безногий в хозяйстве потребен, а уж здоровый, хоть и в возрасте, так и вовсе нарасхват.

Сорок шестой год был по всей стране голодным. Не избежала таковой участи и Татарская республика. Зачастую случались перебои с хлебом, не говоря о прочих продовольственных товарах — муке, крупах, мясе, сахаре, — и картошки, бывало, оставались нереализованными. И как прикажете жить в такое время? Покупать же продукты на рынке или в немногих коммерческих магазинах, что стали открываться в городе, — не было денег. Шутка ли: чтобы купить буханку хлеба в коммерческом магазине, надо было выложить червонец, а на базаре — и того больше. Едва ли не четвертую часть месячной зарплаты. В то время, как пайковая цена буханки по карточке — девяносто копеек. Про мясо и сахар и вовсе следовало позабыть: цены на базаре и в коммерческих магазинах были раз в восемь, а то и в десять выше пайковых и доходили до ста двадцати рублей за килограмм. Да и пообносились люди изрядно за военную пору (гра-

жданскую одежду на фабриках не шили, только гимнастерки да шинели), а купить новое было невозможно — не за что и негде. Некоторые горожане и вовсе походили на беженцев, потерявших при бомбежках свое имущество: весь в общем-то нехитрый гражданский гардероб за годы войны был давно обменян на продукты питания, а потому люди без стеснения ходили в латаном-перелатаном, а то и просто в лохмотьях. Последствия страшной войны сказывались на каждом шагу, и народ выживал кто как мог.

Нина особо долго не размышляла, кому отдать руку и сердце, и выскочила замуж за бывшего нэпмана, арендовавшего в Казани в тридцатые годы несколько торговых предприятий, а ныне владельца двух коммерческих магазинов и ресторанчика при одной из городских гостиниц. Ну а если в отношениях супругов присутствовало еще и чувство — кто же посмеет осудить такую пару? И за что? А потом — не до осуждений: каждый озабочен собственными нуждами, да и судьба тоже у каждого своя.

Конечно, сосед из квартиры напротив никаким боком не принадлежал к кругу Стрешнева,

поэтому их общение ограничивалось короткими приветствиями при встречах на лестничной площадке да обменом парой ничего не значащих фраз. Общение с Ниной сводилось к тому же: здоровались, иногда говорили о ничего не значащем — не более того. И вот теперь она стояла перед Геннадием Васильевичем и его гостем растерянная, в слезах, ничего не соображающая и молила у них о помощи. Надо было что-то предпринимать. Хотя что тут можно сделать?

— М-да-а... Что же это он так? — невесело протянул Сабиров. — Ситуация... И что же делается в таких случаях?

— Не было у меня таких случаев. Думаю, надо сообщить о происшедшем в милицию, — произнес Геннадий Васильевич и добавил: — Наверное... Кто бы мог подумать. Ведь недавно с ним разговаривал. Ничто не предвещало его смерть.

— И в «Скорую помощь» тоже нужно сообщить, — в свою очередь добавил Сабиров.

— А в «Скорую»-то зачем? — обескураженно посмотрел на него Стрешнев, после чего перевел взгляд на висящего на двери Печорско-

го. — «Скорая помощь» ему уже ничем не поможет... — Значит, так, — с этими словами Геннадий Васильевич обратился к Нине, смотрящей немигающим взглядом в пустоту. — В вашей квартире пока вам делать нечего. Так что давайте лучше пойдемте-ка к нам. Хотя как-то успокойтесь. У нас вы сможете подождать милицию. А вы, Марат Ренатович, — обратился Стрешнев к своему заместителю, — побудьте пока тут до приезда милиции. Так, на всякий случай. Чтобы в квартире никто не входил.

— Конечно, — ответил Сабиров. Слова начальника для подчиненного — руководство к действию. Даже в такой скверной ситуации. А потом не тот случай, чтобы искать повод вернуться к застолью. Какое тут веселье! А ведь так все замечательно начиналось.

— Наверное, трогать тоже ничего нельзя. Милиционеры все сами должны осмотреть и сделать какие-то выводы.

Телефонов в городе было немного, но у начальника городского управления связи он, конечно же, имелся. Геннадий Васильевич быстро вернулся в квартиру. Ободряюще улыбнулся,

чтобы совсем не расстроить гостей, и коротко объяснил:

— Соседи попросили меня в милицию позвонить. Скоро все выяснится... А ты, Петрович, — обратился он к начальнику отдела, — чего за девушками не ухаживаешь? Вон они как загрустили. Ну и выпейте водки наконец, чего меня ждать? Разливай давай!

— Это я мигом, — ободряюще произнес сухощавый мужчина с орденской планкой на пиджаке и потянулся к початой бутылке водки.

Геннадий Васильевич быстро прошел мимо встревоженных гостей в свой кабинет, где стоял телефон, и набрал номер телефона милиции. Разговаривал с дежурным недолго — сдерживая эмоции, безо всяких красок изложил увиденное. Правда, на том конце телефонной линии дежурный дважды переспросил адрес, после чего распорядился тоном, исключаящим какие-либо возражения:

— Ждите. Сейчас подъедем.

Услышав короткие гудки, Геннадий Васильевич положил трубку на телефон. Закурив, он сделал глубокую затяжку и, к немалому своему

удивлению, увидел, как пальцы слегка подрагивали. Вот угораздило!

От души немного отлегло, когда Стрешнев услышал голос Петровича, что-то оживленно рассказывающего. А еще через минуту в зале раздался дружный смех. Затушив папиросу о стеклянную квадратную пепельницу, он открыл дверь и с улыбкой вошел к гостям.

ГЛАВА 2

САМОУБИЙСТВО ИЛИ ЕГО ИМИТАЦИЯ?

Наручные часы показывали шесть минут двенадцатого. Меньше чем через час начнется новый, одна тысяча девятьсот сорок восьмой год. Что осталось в прошлом году? Пожалуй, неприятности, которых было больше, чем светлых моментов. Даже вспомнить особенно нечего. Были, конечно, знаменательные дни, когда удавалось в короткий срок раскрыть серьезные преступления. Но все эти благостные эпизоды больше были связаны со служебными обязанностями.

В личной жизни тоже ничего особенно не поменялось. Не женился, детей не завел. А ведь пора бы... Не до седых волос же бобылем ходить. Пора бы, сколько красивых девчонок по улицам ходят! Так и не дождались с войны своих суже-

ных. А ведь на счастье надеются, которого они заслуживают.

Что доброго принесет стране наступающий год? Городу и лично ему, майору Виталию Викторовичу Щелкунову, начальнику отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством городского управления милиции? Очередные неприятности, это понятно. А если вот так, по-человечески, что от него следует ждать? Ведь должна же когда-нибудь закончиться жизнь впроголодь, с частыми недосыпаниями и нескончаемой борьбой с бандитами и иного рода преступниками, которых развелось после войны как вшей на шелудивой собаке. И тогда начнется жизнь другая, светлая и беззаботная, когда человек человеку не волк, а друг, товарищ и брат...

Виталий Викторович посмотрел на младшего лейтенанта Зиночку Кац. Сидит и задумчиво смотрит на него. Чего сидит, чего не идет домой? Наверное, оттого, что раньше начальства уходить не положено, а оно (к ее личной досаде) как будто бы и не собирается покидать рабочее место и готово заночевать на жестких стульях, где вместо подушки будет собственная ладонь.